

АНАСТАСИЯ
АНДРИАНОВА

Песня Чудовищ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Иллюстрация на переплете — *Вельги Северной*

Иллюстрации в тексте *Зои Эклер*

Иллюстрация на форзаце *Анастасии Андриановой*

Иллюстрация на обороте форзаца *Юлии Бетехтиной*

Андрианова, Анастасия Александровна.

А65 Песня чудовищ / Анастасия Андрианова. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.: ил.

ISBN 978-5-04-109938-1

В Серебряном лесу живут чудовища — птицы с женскими головами, чьи песни способны украсть человеческий разум.

Аларский царь умирает и просит сыновей добыть ему девоптицу — первому, кто привезёт чудовище, достанется власть над царством.

Старший царевич, Ружан, готов пойти на всё, лишь бы занять место отца на престоле. Он жаждет отомстить колдунам Стрейвина за поражение, нанесённое его армии несколько лет назад.

Средний, Домир, во всём потакает Ружану, пока однажды не осмеливается перейти ему дорогу, пленившись дивным пением.

Младший царевич, Ивлад, не думает о власти, он лишь хочет исполнить последнее желание отца и отправляется в путь, несмотря на запрет покидать дворец.

Кружат над Аларией вьюги, трещат морозы, и вот-вот случится предание о том, что в колдовстве — погибель царской семьи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андрианова А.А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-109938-1

Есть же о птице сей сказание таково.

*Птица Сирин святого
и блаженного фая*

Глава 1

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Где-то в лесу плакал ребёнок.

Его голос то срывался и затихал, то заходился визгом: ближе, дальше, снова ближе.

Ивлад кинулся на звук, напрямик через колючие кусты и переплетение древесных корней. Лес был незнакомым, слишком густым, тёмным и влажным, слишком тихим, и только чуждый для этого места детский плач разрывал тишину в клочья.

— Я иду! — крикнул Ивлад. — Подожди!

Как ребёнок оказался в этой дремучей чаще? Что за наваждение? Ивладу некогда было задумываться, он бежал вперёд, цепляясь одеждой за ветки, пока не оказался на просторной поляне. Кругом валялись замшелые стволы и пни, вывернутые из земли не то вихрем, не то другой безудержной силой. Ивлад остановился, тяжело дыша. Детский плач стал ещё громче, звучал совсем рядом, но будто отовсюду сразу: из-за деревьев, из-под земли, с мрачного неба.

За спиной поднялся сильный ветер, обжигая ледяным холодом. Со всех сторон обрушилась вьюга, такая лютая, что рукава, полы одежды и волосы тут же покрылись инеем. Ивлад судорожно схватил ртом воздух, и тысячи колких снежинок больно впились в горло. За считанные мгновения зелёный лес покрылся белой коркой и застыл, как стеклянный. Деревья посеребрились, листья разом облетели, на ветвях засверкали кровавыми боками ало-золотые яблоки.

И только тогда Ивлад понял, что это ловушка.

В ушах завывало так громко, что сердце зашлось от ужаса. Детского плача уже не было слышно, только нарастающий гул, а перед глазами всё закружило белой метелью. Руки онемели от холода, всё тело заледенело. С пронзительным криком с дерева сорвалась огромная птица и кинулась вперёд, метя изогнутыми когтями Ивладу в лицо.

Ивлад резко распахнул глаза. В опочивальне было холодно, почти как в том лесу. Очаг давно погас, в окно бился порывистый ветер. Ивлад охнул и сел на постели. Снова этот непонятный сон, и снова в нём — птичьи когти и метели.

Темнота комнаты казалась разбавленной, как разведённые водой чернила — значит, наступило тусклое зимнее утро. Ивлад растёр замёрзшие ноги и плавно повёл плечами, разминая тело. Набросив нижнюю рубаху, он подошёл к окну, покрытому кружевом морозных узоров.

Над Азобором стелился дымок из печных труб, кое-где светились в окнах огни, слабенькие, от лучины или единственной свечи. С неба сыпали густые хлопья снега — с начала зимы ни одного дня без него не обходилось, и сугробы уже намело такие, что некоторые избы завалило едва ли не до самых крыш. Далеко впереди мерцали макушки Серебряного леса — бледный рассвет обливал деревья зеленоватым светом, и лес отсюда казался сказочным, выкованным из тончайшего металла. Ивлад постоял так немного, вспоминая детский плач из сна и завьюженную чашу. Быть может, во сне он оказался там, в Серебряном лесу? А птица, метившая ему в глаза, была из тех чудовищ, которыми славится это место?

Стук в дверь прервал его мысли.

— Вы уже проснулись, Ивлад Радимович? Позвольте растопить очаг, — послышался голос слуги.

— Да, входите, — со вздохом ответил Ивлад, отворачиваясь от окна. Заснеженный город манил, и Ивлад с грустью оторвал от него взгляд.

Дверь скрипнула, и в комнату вошёл молодой прислужник. Он поклонился и занялся очагом, а Ивлад плеснул себе воды из кувшина, глотнул и спросил:

— Как себя чувствует отец?

Руки слуги внезапно дрогнули, уронив огниво. Из очага вывалилось несколько угольков, запачкав ковёр.

— Хорошо, царевич. С ним ваши братья, но...

— Братья? — Ивлад нахмурился. — В такую рань? И сразу оба? Он не принимал посетителей уже много недель. Но почему меня раньше не разбудили?

Слуга засуетился, собирая угли с ковра. Пятна стали только больше.

— Сейчас-сейчас... вычищу старые, заправлю новых дров...

— Не стоит торопиться. Растопишь позже. Я иду к отцу.

— Ивлад Радимович! — Юноша выпрямился, тараша испуганные глаза. — Вам не нужно... Вас не...

— Не звали? — Брови ещё сильнее сошлись на переносице Ивлادا. — Отец хочет видеть всех сыновей, кроме младшего? Отчего?

— Не знаю... Но... Не ходите, прошу, иначе меня кинут в острог за то, что проговорился...

— Не бойся, не кинут. Я позабочусь об этом. Будем считать, ты мне ничего не говорил.

Ивлад застегнул кафтан, надел сапоги и стремительно вышел в коридор.

Царь Радим Таворович давно болел, а в последние месяцы стал совсем плох. Что-то точило его изнутри, высасывая жизнь, оставляя только пустую блёклую оболочку. На теле то и дело проступали чёрные язвы, от которых уродливыми щупальцами тянулись сетки вен, в иные дни даже глаза царя заволакивало чёрной пеленой. Сколько лекарей посетило его покои, не счесть, но все лишь разводили руками, и не помогали ни угрозы от царского воеводы, ни обещания богатства от царя. Ивлад помнил отца сильным и крепким, громогласным и быстрым, но теперь царь Радим вовсе не походил на себя прежнего — истончился, стал почти прозрачным и перестал говорить.

Царские покои находились в другом конце дворца, и Ивлад кинулся бегом. Если отец собрал братьев, значит ли это, что хотел скрыть что-то от Ивлادا? Вдруг он уже закончил говорить с ними? Или, что хуже, умер...

Стражники у царских покоев встреपнулись, завидев Ивлادا, но не стали преграждать ему путь, и младший царевич, бесшумно проскользнув внутрь, прошёл к помосту, на котором возвышалась большая кровать с расшитым пологом. Старшие братья, царевичи Ружан и Домир, сидели на скамье спинами ко входу, а на кровати, среди подушек, виднелось бледное лицо отца с синюшной язвой на левой щеке. Покрасневшие веки дрожали, но он не закрывал глаза, пристально смотрел на сыновей, и в нём угадывался прежний, властный и грозный царь, от одного присутствия которого все остальные будто бы даже становились чуть меньше ростом.

— У всех соседей наследником становится старший сын, — послышался недовольный голос старшего царевича, Ружана.

Отцовский взгляд смягчился, он даже протянул руку, будто хотел погладить Ружана по щеке, но тот отстранился и отвернулся. Завидев Ивлادا, Ружан сурово свёл чёрные брови к переносице, став похожим на отца, когда тот был молод, здоров и грозен.

— Что ты здесь делаешь? Тебя не звали.

Грудь Ивлادا сдавило от обиды, но он никак не показал, насколько задет.

— Я решил проведать отца, но, видимо, наткнулся на семейное собрание. Почему нас с Нежатой не пригласили?

— Потому что вы младшие. Юный царевич и сестрица. Этот разговор не для ваших ушей, — ошетинился Ружан. — Будь добр, подожди за дверью, пока мы не договорим.

— Ты пока не царь, чтобы принимать такие решения, — мягко возразил Ивлад. — Отец, я обращаюсь к тебе, а не к брату.

— Милый мой мальчик, — прошелестел царь. — Тебе правда лучше бы вернуться к себе...

— Я не уйду, — заупрямился Ивлад. — Тебе придётся продолжить разговор и смириться с тем, что у тебя трое сыновей. Не двое.

— Его нужно было больше пороть, пока не научился огрызаться, — процедил Ружан, не глядя на Ивлда.

— Не будь таким жестоким, — пожурил царь старшего сына. — Прости меня, Ивлад, за то, что обидел, попытаюсь уберечь.

— Уберечь от чего?

Ивлад сел на скамью рядом с Домиром. Тот кивнул ему, виновато пряча взгляд. Слова отца попали в сердце острыми занозами, а что до Ружана, так он всегда старался ужалить окружающих побольнее. Ивлад привык к крутому норову старшего брата и почти перестал злиться на него.

— Уберечь маленького сыночка от бремени, — оскандился Ружан. — Отец, мне позвать Рагдая, чтобы вывел его?

Ивлад не выдержал и обернулся на Ружана, надеясь увидеть улыбку на его лице. Но Ружан не шутил и, казалось, правда едва не отправился за сыном воеводы.

— Сиди, — хрипло попросил царь. Разговор давался ему всё тяжелее, он сухо сглотнул и помолчал несколько минут, глубоко дыша.

— Ты в чём-то прав, Ружан, — вновь заговорил царь, когда Ивлад уже начал всерьёз беспокоиться за него. — Но пойми же, твой брат не становится менее достойным наследником из-за того, что ему не повезло родиться на свет позже тебя.

Ивлад понял, что царь лишь продолжил разговор, начатый до его прибытия. Может, отец даже успел позабыть, что Ивлад проник в покои незванным гостем?

— Но ты сам расставил нас на разные ступени, не позвав Ивлда, — возразил Ружан. — Значит, Домир стоит на ступень ниже меня — по праву рождения. Ты сам сказал, что ему не повезло родиться позже. А я много лет доказываю тебе, отец, что Аларское царство за моей спиной будет в безопасности.

Домир кашлянул в кулак, и Ивладу было ясно почему: единственную битву, которую отец доверил Ружану, он проиграл, заплатив сотнями жизней простых ратников.

Ивлад слушал молча и комкал в пальцах край отцовской простыни: ему было тягостно находиться здесь и видеть беспомощность отца, а ещё тяжелее — смотреть, как гневается старший брат, как раздувает по-бычьей ноздри, будто готовый вот-вот испепелить своей яростью больного старика.

— Не тобой написаны законы, и не тебе их менять, отец, — недовольно буркнул Ружан.

— Ты поймёшь меня, когда сам обзаведёшься женой и детьми, — вздохнул царь.

— Может, больше земель получит тот из нас, кто первым женится? — тихо предложил Домир.

Ивлад не удержался от осуждающего взгляда. Брат давно был сосватан, ему обещали младшую дочь правителя Северной Халкхи, чтобы укрепить союзничество и вместе противостоять нападкам верховных колдунов Стрейвина.

— Нет, — отрезал отец и закашлялся. — Посчитаете меня взбалмошным стариком и будете правы. Тот из вас получит мою власть, кто исполнит моё последнее желание. — Дыхание его стало совсем тяжёлым, и Ивлад заволновался: сумеет ли договорить? Не позвать ли слуг, чтоб успокоили и напоили отварами? Но царь прочистил горло и продолжил уже увереннее:

— В самом сердце Аларских земель лежит Серебряный лес — вы и сами знаете о нём и о том, насколько он опасен. Хозяйки леса не принимают гостей — только заманивают к себе слуг, туда трудно войти и ещё труднее вернуться, но всё же я попрошу вас пробраться к границам леса и доставить мне во дворец одну из диковинных птиц. Живьём. Вас прошу, Ружан и Домир, — возьмите дружину и лучшее оружие, а ты, Ивлад, будь рядом, останься со мной. Вы с Нежатой скрасите мои последние дни.

Младший царевич вздрогнул и невольно поднял взгляд. Над отцовским изголовьем в золочёной раме ви-

село огромное пёстрое перо – няньки часто рассказывали Ивлладу в детстве сказку: жил да был царевич, румяный и чернокудрый, и однажды на охоте он заблудился да забрёл в Серебряный лес. Блуждал он там до заката, а едва солнце скрылось, спустилась к нему дивная птица. Голова и шея у неё были женские, а всё остальное тело – птичье. Лицом она оказалась так красива, что царевич мигом забыл свою сватанную невесту. Полюбил царевич птицу-девицу, но нельзя им было оставаться вместе: Серебряный лес и его хозяйки не терпят людей, губят их жизни, а в людских землях диковинку разом поймали бы да заперли в клетку. Но и в клетке птица не прожила бы долго, зачахла вдали от родных мест. Проплакал царевич до утра, но собрал всё своё мужество и покинул возлюбленную, вернулся в отцовский дворец, выпросив у красавицы на память перо из крыла.

– На что тебе такое чудище? – удивился Домир.

– И что, правда оставишь все земли и корону тому, кто принесёт птицу? – не поверил Ружан.

Царь кивнул:

– Моим наследником станет тот из вас, кто первым привезёт живую девоптицу. Хочу посмотреть напоследок на такую красоту и услышать её дивный голос. Не будет мне без того покоя.

Все три брата замолчали. Старший хмурился, средний выглядел ошарашенным, а младший замер, ни жив ни мёртв.

– Почему я должен остаться, отец? – с обидой в голосе спросил Ивллад. – Разве не достоин младший сын того, чтобы хотя бы попытаться? Не ради власти. Я бы хотел порадовать тебя, отец.

Ружан едва не засмеялся.

– Куда тебе? Хил и тонок как девица, последний в очереди на наследство. Быть тебе в лучшем случае помещиком, а то и вовсе в монастырь уйти.

Ивллад стиснул зубы, но не стал спорить с братом перед отцом. Он и сам понимал, что Ружан отчасти прав: если кому из них быть царём, то старшему, сильному и плечисто-

му, тому, кто уже вёл людей в бой, пусть и проиграл, а Ивладу, юному, безбородому, с тонкими белыми пальцами, только перебирать самоцветы да веселиться на чужих пирах.

— Меня волнует ещё кое-что, — произнёс Ружан. — В колдовстве гибель царской семьи. Ты и сам, отец, любишь это повторять. Так зачем просишь привезти колдовское чудище прямо в наш дворец?

Царь сухо глотнул и скосил глаза на сына.

— Девоптицы — символ Аларии, не забывай. Не Стрейвина. Я не прошу приводить колдунов. Не прошу колдовать. Только саму девоптицу. Хоть одним глазком посмотреть... От её присутствия не случится ничего дурного. Колдовство действует по-другому.

Царь закашлялся, и Домир стиснул его жилистую руку.

— Не слушай Ружана, отец, — с жаром заговорил он. — Ружан вечно всё перевирает так, как ему удобно. Несчастые сулит пение девоптиц, а не сами они. Но разве станет она петь в клетке? Мы ей не позволим. Всё будет хорошо, отец.

Домир укоризненно глянул на Ружана, а тот недобро нахмурился в ответ. На скулах заиграли желваки.

Больше в тот день отец не проронил ни слова, опустил голову на пуховую подушку и заснул, измотанный разговором.

Ружан тут же велел собираться в путь и седлать ему коня. Домир ни на шаг не отставал от старшего брата: следовал за ним точно собака, а Ивлад погрузился в раздумья. Из головы не шли отцовские слова, в душе поселилась обида: отчего царь запретил ему даже пытаться? Метить на место Ружана у Ивллада не было намерений, но исполнить отцовскую прихоть он как хотелось. Неужто правда станут счастливее его последние дни, если во дворце поселится девоптица?

На гульбище задувал ледяной ветер, смешанный со снежным крошевом. Ивлад продрог, но не возвращался

во дворец, упрямо смотрел вниз, на двор, и до крови кусал губы. Вскоре через двор пролетели два коня: вороной и гнедой, взрыхлили снег и скрылись за поворотом дороги. За ними не отставая скакала личная дружина Ружана во главе с воеводиным сыном, Рагдаем. Ивлад уже догадался, что Домир вряд ли станет состязаться с Ружаном, только поможет старшему брату поймать девоптицу и получит часть его славы. Таков Домир, с самого детства привыкший быть позади Ружана.

В руку ткнулся мокрый нос. Ружан не взял с собой в дальний путь свою любимую борзую, белую в чёрных пятнах, и теперь она жалась к Ивлладу.

— Потерпи, Тучка, скоро вернётся твой хозяин. — Ивлад потрепал борзую по холке.

С неба сыпал мелкий снег, блестящий, словно натолкли стекла и потрясли сверху. Серебряный лес и правда сверкал впереди, за пределами города, словно драгоценный ларец, и был он так далеко, что казалось, и за три дня туда не доскачешь, особенно в такой холод.

Наконец Ивлад не выдержал, спустился во двор и прошагал к царским конюшням, где стоял в тёплом деннике его любимый конь, белый в яблоках, с шёлковой гривой. Тучка семенила рядом, высматривая Ружана. По обеим сторонам от дороги высились сугробы в половину человеческого роста, а от крыш поднимался дрожащий дымок. Ивлад уже предвкушал быструю скачку сквозь метель, как конюший преградил ему путь.

— Куда вы собрались?

Ивлад вежливо улыбнулся:

— На прогулку. Застоялся мой Ветер, братья-то ускакали на своих, и моему размяться хочется.

Конюший покачал головой и упёрся рукой в перегородку денника, не давая Ивлладу даже дотронуться до коня. Ветер недовольно захрапел, потянулся губами к хозяину.

— Не велено вас выпускать со двора. Мы выведем Ветра на прогулку, да и вы пройдитесь по саду, если хотите подышать. Но стражи вас не выпустят, таков приказ царя.

— Но Ветер хочет скакать со мной. Я могу взять своего коня сам. Что же ты, конюх, слушаешься царского сына? — Ивлад старался придать своему голосу властности, но получилось скорее капризно. Он почувствовал, как кровь прилила к щекам, и стыдливо опустил взгляд.

— Ослушаюсь, лишь бы исполнить царскую волю, — ответил конюший. — Все стражи предупреждены, вас не выпустят. Скачите по двору, но за ворота вы не попадёте.

Ивлад глубоко вздохнул. Если бы на его месте оказался Ружан, уж ему бы точно не составило труда уболтать кого угодно, хоть самого Военега, царского воеводу, — да что там, даже Домир наверняка придумал бы какую-то хитрость. А он, Ивлад, стоит и молча открывает рот, как брошенная на берег рыба. Конечно, даже отец давно понял, что такому не стоит давать ни единой возможности сесть на трон. Разве способен он поймать девоптицу, если даже с конюшим договориться не может?

— Я же... просто порадовать хотел бы. Не ради власти, — пробормотал Ивлад, сгорая от неловкости.

Он достал из-за пазухи яблоко и протянул Ветру, не обращая внимания на грозный взгляд конюшего. Конь захрустел угощением, а Ивлад втянул голову в плечи, развернулся на пятках и пошёл прочь.

Во дворе Тучка возилась с сыном псаря, словно и позабыла о хозяине. На псарне кто-то из собак принялся протяжно выть, а другие подхватили, кто воем, кто тьявканьем. Ивлад кивнул мальчишке-псарю, чтоб уводил Тучку к сёстрам и братьям — среди сородичей перестанет сучать по Ружану, — и тот, взяв борзую за ошейник, повёл её через двор.

Ивлад провожал Тучку задумчивым взглядом, как вдруг услышал оклик. Царевич обернулся и увидел сестру, спешащую к нему со стороны дворца.

— Ты что-то хотела, Нежата? — спросил он осторожно.

Сестра была старше его всего на два года, но Ивладу всегда казалось, будто даже Ружан её побаивается. О Нежате ходило много слухов, и пусть отец старался изо всех сил, чтобы о его дочери не толковали за пределами двор-

ца, всё равно то и дело доносили, будто даже крестьяне зовут царевну сестрицей-ведьмицей. Ивлад слухам не верил: благоразумие сестры должно быть сильнее любопытства.

Нежата подбежала к брату и встала напротив него, разглядывая спокойными синими глазами, похожими на два глубоких пруда.

— Я слышала тот разговор. Отец не пускает тебя со двора? — догадалась она.

Ивлад молча кивнул. Прозорлива, и правда будто колдунья.

— Я помогу тебе, — зашептала Нежата, обернувшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто их не подслушивает. — Мне не запрещено выходить. Да и все привыкли думать, что я... с причудами. Приходи позже к моим покоям, я дам тебе свою накидку, выведу и посажу на своего коня. Мы похожи с тобой станом — оба высокие и тонкие, а в темноте и вовсе никто не заметит подмены. Когда коня моего хватятся, ты уже далеко от дворца будешь. Только собирайся как следует, ничего не забудь. А пока вот, держи кое-что.

Нежата сунула в руку Ивлда какой-то мешочек, чмокнула брата в щёку и быстрым шагом пошла к крыльцу, на ходу поправляя платок. Ивлад постоял, глядя ей вслед: разгадала с одного взгляда всё, чем томилась его душа. Расширив горлышко, он заглянул в мешочек — внутри поблёскивал какой-то тёмно-серый порошок. Ивлад решил спросить Нежату позже, а пока вернуться во дворец, собраться да терпеть дотемна.

Ивлад тайком пробрался в отцовскую оружейную и выбрал тончайшую прочную сеть для охоты на фазанов, сложил в несколько раз и спрятал в мешок — сеть почти не заняла места. Свеча, что он захватил с собой, горела ярко, и сердце Ивлда громко колотилось от страха: вдруг заметят отсветы под дверью? Вдруг стражи придут с дозором в эту часть дворца? Как он объяснит, что делает в оружейной?

Двигаясь осторожно, стараясь не издавать никакого шума, Ивлad пересмотрел множество мечей и кинжалов, прикидывая, какой пригодится в пути, и решил выбрать тонкий длинный нож, а в помощь к нему — короткий лук и колчан лёгких стрел с такими острыми наконечниками, что даже смотреть на них было больно.

Сложил царевич и мех с водой, и тёплое шерстяное одеяло, и кошель с деньгами, и другие мелочи, а едва стемнело, постучался в покои Нежаты. Сестра-царевна открыла с первым ударом — ждала, как и обещала. Втянула брата за дверь и заперла изнутри, чтоб никто ничего не подслушал.

— Поедешь прямо сейчас, строго на север, — зашептала она без лишних вступлений. В светлице горела всего пара свечей, отчего глаза Нежаты сверкали таинственно, как звёзды. — Мой конь, Звездочёт, любит скакать морозными ночами. Луна серебрит дорогу, путь лёгким покажется. Но на красоте не любуйся, мчи скорее, если хочешь братьев догнать. А как приблизишься к Серебряному лесу, почаще голову задирай да наверх смотри.

— Уж догадаюсь, как птицу выследить. Не единожды на фазанов охотился, — хмыкнул Ивлad в ответ.

— Девоптицы — не фазаны, — покачала головой Нежата. — У них людские головы, и мысли людские, бывают даже ещё коварнее и хитрее. Они — жестокие чудовища, помни это, Ивлad. Убьёшь ненароком одну — навлечёшь гнев сотен чудищ на наши края. Слышал ведь...

— Смерть девоптицы предрекает гибель правителя, — продолжил за неё Ивлad.

— Верно, — кивнула Нежата. — Не слушай их песен, чтобы не растерять разум. Будь так осторожен, как только можешь. Утром я передала тебе мешочек. Он при тебе?

Ивлad молча достал его и показал сестре.

— Славно. Не забывай о нём. Это порошок ясного разума. Если птица начнёт говорить с тобой, опусти в порошок палец и оближи. Поможет не сойти с ума.

— Откуда он у тебя?

Нежата промолчала, прошла в дальний угол светлицы, откинула крышку сундука и вынула накидку — чёрную как

ночь, с вышитыми серебряными звёздами. Ивладу говорили, что когда-то эта вещь принадлежала их матери. Царевич схватился за мягкую ткань, и на него пахло цветочными благовониями. Нежата набросила накидку брату на плечи, надела капюшон, пряча золотые кудри, и затянула у Ивлادا на шее завязки.

— Никто тебя не узнает, — шепнула она, и Ивладу показалось, будто дыхание и слова сестры окутывают его невидимым волшебным облаком. Они правда были одного роста и примерно одного телосложения, так что накидка пришлась впору. — А чтобы птица к тебе спустилась, укради яблоко из Серебряного леса. Братья такого не знают, только тебе подскажу. Сама у одного колдуна вызнала, только ты никому не говори.

— Спасибо тебе. — Ивлад улыбнулся и поклонился сестре. — Ты могла встать на сторону отца и отговаривать меня от похода, но всё же поддержала. Почему?

Нежата тихо рассмеялась, велела Ивладу разгибать спину и не отвешивать больше поклоны. Как только их глаза вновь встретились, лицо царевны стало серьёзным.

— Потому что ты мог бы стать лучшим царём, чем Ружан. Он жесток и хитёр, я боюсь, что он в сговоре с воеводиным сыном. У меня тёмные предчувствия.

Ивлادا испугали слова сестры.

— С Рагдаем? Ты подозреваешь, что они могут пойти против воли отца?

— Не буду винить голословно, — вздохнула царевна, — но сердце моё чует, а глаза видят, что братец непрост. Потому я желаю тебе удачи, Ивлад. Скачи и добудь отцу девоптицу. Звездочёт послушает тебя, едва учует мой запах с накидки. Возвращайся быстрее. Не оставляй меня здесь одну надолго. За ужином я скажу, что ты приболел и не спустишься. Тебя не сразу хватятся.

Нежата поцеловала Ивлادا в щёку и подтолкнула к двери. Крепко обняв сестру на прощанье, царевич поспешил прочь из дворца, через двор в конюшни, к стойлу Звездочёта, склонив голову так, чтоб светлые волосы не виднелись из-под капюшона.

Ярко светил месяц, и царский двор был пуст. Со стороны кухонного крыла гремела посуда — слуги готовились к ужину. Стражи медленно обходили стену, а у конюшни, пряча зевок в сгиб локтя, скучал помощник конюшего, тощий мальчишка, которому шапка едва не падала на глаза. Ивлад стремительно проскользнул внутрь, попрощался со своим Ветром, пообещал вернуться скорее, оседлал Звездочёта и помчался со двора. Ворота открыли издали, и правда приняв его за взбалмошную царевну, и Ивлад погнал коня во весь опор, взрыхляя снег.

Глава 2

ДЕВОПТИЦА

Под утро конь Нежаты начал уставать, да и сам Ивлад был готов выпасть из седла. Занемела спина, замёрзли руки, но если бы не сбивающийся шаг Звездочёта, царевич упрямо скакал бы и дальше, лишь бы нагнать братьев.

Завидев впереди тусклые мигающие огни постоянного двора, Ивлад направил коня рысью. Снежные крошки продолжали сыпаться сверху, оседали на ресницах и покалывали губы. Снег забивался за воротник, застревал в волосах — капюшон Нежатиной накидки сполз от быстрой скачки, и вьюга трепала пряди, покрытые инеем.

Деревня притаилась на холме, в объятиях елового леса. Ивлад бывал здесь не раз — проезжал мимо во время долгой псовой охоты, которую так любил Ружан. Здесь находился постоянный двор, но члены царской семьи и их свита редко останавливались в деревнях, предпочитая боярские усадьбы.

Спешившись у ворот постоянного двора, Ивлад обернулся. Позади величественно дремал Азобор, столица Аларского царства, и родной дворец перемигивался огнями — проснулись слуги, а может, и не спали, заметили, что младший царевич пропал... Ивлад мотнул головой, и снежинки с волос посыпались под ноги.

Тяжёлые ворота, сложенные из посеревших от времени брёвен, были покрыты белой наледью, и там, где ударялся кулак Ивлادا, оставались влажные следы. Ударив

раз пять подряд, Ивлад закусил губу: звук выходил каким-то тихим, хилым, вряд ли таким стуком можно было разбудить хозяев. Но всё же скоро послышалась возня, и ворота отворились. Хмурый мужчина, заросший бородой настолько, что с трудом угадывалось выражение лица, оглядел Ивлادا с ног до головы и хмыкнул.

— Отдыха и горячей еды?

Ивлад молча закивал.

— Пойдём.

Мужчина без лишних просьб взял коня под уздцы и махнул подбородком, указывая Ивлadu следовать за ним.

— Конь, поди, яблоки любит?

— Л-любит.

— Дадим, коли заплатишь. А денег у тебя, видать, предостаточно.

Ивлад слегка огорчился, когда понял, что здесь с него будут трясти столько, сколько смогут, — ясное дело, нечасто в деревни заезжают богато одетые путники на ухоженных скакунах. Эх, подумать бы наперёд и раздобыть неприметный наряд...

Убедившись, что конь Нежаты встал в стойло и получил мешочек овса, Ивлад протянул хозяину золотник. Мужчина быстро спрятал монету, ловким движением пристроив куда-то за шиворот, и указал на крохотный теремок в два яруса, где из труб тянулся дым, лунно-зеленоватый в предрассветном сумраке.

Настроение Ивлادا немного поднялось, когда он шагнул на ступени и почувствовал тёплый запах съестного. Над входом в харчевню было выцарапано яблоко — небольшое и неприметное, но взгляд Ивлادا сразу за него уцепился. Его это насторожило: яблоки в Аларии рисовали нечасто, это означало, что в заведении будут рады принять колдунов. Но чтобы так близко от столицы... А стойло Ивлadu потянуть дверь на себя и войти внутрь, как он вновь упал духом.

В зале было темно, чадила лишь пара толстых оплывших свечей, спрятанных где-то в дальнем углу. Негромко и гортанно переговаривались немногие посетители — на-

верное, всю ночь тут веселились. То и дело слышались звуки, с какими дешёвые глиняные кружки ударялись донцами о дощатые столы. Помимо нехитрой еды, здесь пахло гарью, сыростью и чем-то новым, странным и неприятным. Ивлад поднял воротник, пряча нос, и почти на ощупь двинулся вдоль стены. Понемногу глаза привыкли к мраку, и Ивлад, отыскав свободный стол, хотел было сесть на скамью, но вовремя заметил, что сиденье покрыто пятнами грязи и остатками засохшей похлёбки. К горлу подступила тошнота, Ивлад вцепился в мягкий бархат накидки и нащупал пуговицы: нельзя испортить дорогую вещь сестры, замарав о грязную лавку. Расстегнувшись до половины, Ивлад сообразил, что под накидкой у него — алый кафтан, расшитый серебряной нитью. Тоже не лучший наряд для подобных мест. Проклиная себя за глупость, он ощутил, как кровь приливает к шее и щекам.

Ребёнком Ивлад частенько забегал на дворцовую кухню: там всегда было тепло и светло, розовощёкие кухарки пели песни и постоянно что-то готовили к царскому столу. Младшего царевича они обожали: Ивладу в руки сразу сыпались пряники, ещё липкие от незастывшей глазури, тёплые пирожки и глангрийские цукаты из дивных ароматных фруктов. Наевшись, он оставался у одной из огромных печей и слушал сказки, песни, былички, а иногда и засыпал, разомлев от вкусной еды и тепла.

Харчевня на постоялом дворе не имела ничего общего с царской кухней — даже едой здесь пахло иначе, грубо, резко, навязчиво. Вместо звонких голосов кухарок — ругань, под ногами — грязная слякоть.

«Странно было бы ожидать другого», — попытался подбодрить себя царевич.

— Так и будешь стоять, богатенький? — хрипло хохотнул кто-то над самым ухом.

Ивлад вздрогнул и поднял глаза на незнакомца: мужчина был так же бородат, как и хозяин, но одет куда хуже, да и пахло от него чем-то отвратительным.

— Да, я постою, — ответил Ивлад, отводя взгляд. Почему-то ему было стыдно смотреть на мужчину.

— Замараться боишься?

Тяжёлая ладонь опустилась на плечо, пригвождая Ивлда к месту. Он скривился.

— О-ой, ещё и носик морщишь как девица! А вдруг и правда девица? Вас, безбородых богатеев, и не разберёшь!

— Простите... — вымолвил Ивлад, выворачиваясь из хватки незнакомца. — Я просто ехал мимо.

— Не тронь моего гостя, Ибгар, — окликнул уже знакомый голос. Внутрь, стряхивая снег с одежды, вошёл хозяин. — Аичка, тащи пожарть!

Мужчина в последний раз смерил Ивлда недобрым взглядом и убрал руку с его плеча. Ивлад тут же принялся отряхивать накидку в том месте, где лежала чужая ладонь. Из глубины зала послышались смешки.

— Садись, сейчас Аичка принесёт еды, — сказал хозяин и двинулся в сторону двери, ведущей, должно быть, в кухню.

— Благодарю. Я постою. — Ивлад гордо вскинул подбородок, ожидая новую волну смеха. И не ошибся: харчевню едва не разорвало от хохота.

Скоро прибежала Аичка — молодая кругленькая девушка с рыжей косой. Хитро сощурив лисьи глаза, она поставила перед Ивладом миску, накрытую толстым ломтём хлеба, и глиняную кружку, каких Ивлад отродясь не видел.

— Благодарю, — снова сказал он и протянул Аичке, как и хозяину, золотник. Девушка заулыбалась и бесстыдно сунула монету в вырез платья. Ивлад закашлялся, поспешно отвернувшись.

Есть стоя было неудобно. Миска оказалась слишком горячей, ложка — толстой и шершавой, а похлёбка — не очень-то вкусной. В жирном бульоне плавали крупные куски лука и моркови, попался даже жилистый кусок мяса. Зато хлеб с семенами оказался неплох, и Ивлад почувствовал себя значительно лучше, наполнив желудок горячим.

— Ну а теперь, — тяжёлая рука вновь упала на его плечо, Ивлад вздрогнул и пролил бульон на кафтан, — ты и с нами поделишься золотом. У тебя его много, да? Не

пожалел даже за Аичкино грошовое варево отдать золотничок.

Мужчина засмеялся. Ивлад отставил пустую миску и обернулся — ну конечно, тот самый бородатый задира Ибгар не пожелал оставить его в покое. Только в этот раз к нему присоединились ещё четверо — наверное, все те, кто сидел в тёмном углу. От них кисло пахло спиртным, только не сладким вином, а чем-то другим, землисто-болотным.

— Я плачу за услуги, — ответил Ивлад. — За приют для коня и за обед. Простите, но вы ничего не сделали мне.

— Как насчёт сохранения жизни? — осклабился самый высокий из мужчин, худой, с лицом, покрытым щербинами. — Мы тебя не убьём, а в обмен ты оставишь нам всё, что есть. Включая оружие.

Точно, оружие! Ивлад потянулся за ножом, который висел на поясе, но Ибгар перехватил его запястье и стиснул так сильно, что у Ивлادا брызнули слёзы.

— Шустрый щенок, — шикнул Ибгар. — Ребята, посмотрим на ножик? Наверное, о-остренький!

Нож вышел из ножен, блеснуло лезвие в полумраке харчевни. Ивлад дёрнулся, пытаясь отобрать своё оружие, но Ибгар с силой толкнул его в грудь. Ивлад упал на пол, как раз туда, где скопилось больше всего грязного талого снега вперемешку с мусором.

«Отец вас повесит», — хотелось злобно крикнуть, но быстро пришла и другая мысль: «А тебя не повесит ли за непослушание?»

Ивлад стремительно поднялся на ноги, горя от злости и унижения. Рябой мужчина заметил кошелёк у него на поясе и метнулся куницей, растопырив пальцы, но Ивлад остановил его точным ударом в нос. Мужчина завыл, на пол брызнула кровь, и вся харчевня взорвалась криками.

— Режь его!

— Проще будет!

Ивлад вскочил на стол и спрыгнул с противоположной стороны, надеясь хоть так защититься от нападающих. Почти сразу он понял, что это был плохой замысел: Ибгар толкнул стол, и тот впечатал Ивлادا в стену.

– Пятеро на одного?

Чей-то голос прозвучал ясно и грозно, холодом разрезав душный полумрак. В харчевню вошёл незнакомец: статный, широкий в плечах, нестарый, но с полностью седыми волосами. Весь его облик выражал спокойное величие и затаённую силу – Ивлад не заметил при нём оружия, но отчего-то обидчики разом отпрянули от царевича, не скрывая разочарования.

– Господин Вьюга, да мы так, развлекались просто, – заныл рябой.

– Развлекайтесь работой, – мрачно отозвался тот, кого назвали Вьюгой. Он остановился посреди зала и повернул лицо к Ивладу, внимательно, но без враждебности разглядывая того холодными серо-голубыми глазами. – Пойдём со мной.

Ивлад выбрался из-за стола, поспешно схватил свой нож, обронённый в грязь, протёр уголком Нежатиной накидки, уже напрочь испачканной, и сунул обратно в ножны. Он тянул время, не зная, что хуже: остаться здесь или пойти со странным незнакомцем.

– Ты ведь Ивлад? Идём, – повторил мужчина уже настойчивее и шагнул к царевичу.

Только сейчас Ивлад заметил, что на нём почти такая же накидка, только будто вывернутая наизнанку: чёрные звёзды на серебре.

– Иду, – сдался он, не в силах побороть любопытство.

Ивлад вышел вслед за Вьюгой. Уже почти рассвело – не такой уж ранний стоял час, да только долгая зимняя ночь не спешила отступать. Мрак рассеивался под натиском зеленовато-золотистого утра.

– Сюда.

Вьюга, не оборачиваясь, поднялся на крыльцо небольшого терема – что там терема, крепкой избы, украшенной парой башенок. Ивлад и здесь увидел вырезанное яблоко на дверном наличнике. Ноги будто приросли к ступеням.

– Дальше я с тобой не пойду, – заявил он. – Говори здесь.

Вьюга наконец-то обернулся и изогнул седую бровь, но, бросив беглый взгляд на дверь, кажется, догадался.

– Не бойся. Наши с тобой имена не стоит трепать на улице. Ты уже отобедал в харчевне с яблоком. Не боялся ведь, что стряпуха тебя проклянёт или добавит что-то в суп?

Насмешливая интонация задела Ивлادا – он сильнее засмутился, но продолжал упрямо смотреть исподлобья.

– Сейчас, в грязной одежде и с растрёпанными волосами, ты вовсе не похож на того, кем на самом деле являешься. – Вьюга развернулся к Ивлладу всем телом и скрестил руки на груди. – Зову в последний раз. Откажешься говорить – не буду настаивать. Мне, по большому счёту, ничего от тебя не нужно, я лишь выполняю просьбу человека, близкого нам обоим.

Он тронул ручку, открывая дверь. Ивллада немного успокоило то, что Вьюга не собирался затаскивать его в терем силой, а любопытство жгло всё сильнее. Собравшись с духом, он шагнул внутрь.

Они остановились только на втором ярусе – комната Вьюги была под самой крышей, зато с балконом. Ивллад то и дело с опаской косился на своего нового знакомца: тот казался страшно угрюмым и холодным, под стать своему странному имени. На всякий случай Ивллад не убирал руки с ножа, хотя понимал, что вряд ли ему хватит смелости пустить его в дело, случись что.

– Ивллад Радимович, тебе было велено не ступать из дому, – проговорил Вьюга сквозь зубы, едва запер дверь.

– Кто... кто ты всё-таки такой? – Ивллад вскинул подбородок и крепче сжал пальцы на рукояти ножа. – Откуда меня знаешь? Тебя прислал отец? Я не видел тебя в дружине.

«Или – что куда хуже – его прислали отцовские враги. Стрейвинцы, к примеру. Не стоило идти с ним», – мрачно думал Ивллад.

– Моё имя ты слышал. Я – Вьюга. И нет, с царём я не знаком.

Ивллад сглотнул, наконец-то догадавшись.

Дурное предчувствие о Стрейвине не обмануло. Любой из стрейвинских колдунов принадлежит к штормовым,

огненным, вьюжным или зверословом. Иные могут совмещать свои умения, развивая силы. Но из тех, кто пошёл по пути единственной силы, есть четверо самых могущественных, чьё колдовство выросло настолько, что почти поглотило человеческую сущность. Даже сами их имена – Шторм, Пламя, Вьюга и Зверь – говорят о том, что колдовского в них стало куда больше, чем человеческого. Ох, знал бы Ружан, что здесь, совсем рядом от Азобора, один из тех колдунов, кто забрал его покой в том сражении...

– Тогда чего тебе от меня нужно?

Вьюга слегка улыбнулся, и его лицо словно оттаяло. Он указал Ивладу на кресло. Обивка была потёртой и пыльной на вид, но Нежатиной накидке и так досталось, поэтому Ивлад сел почти без колебаний.

– Если со мной что-то случится, – продолжил он, – отец отыщет тебя. И всему Стрейвину отзовется царский гнев.

Вьюга вскинул руку:

– Я не пытаюсь запугать тебя, царевич. Стал бы я спасать тебя от тех вышивок? Нет, Ивлад, не в моих правилах сперва выручать, а затем предавать. Меня послала твоя сестра.

– Нежата?

Вьюга вскинул брови:

– Не знал, что у царя несколько дочерей.

Ивлад смутился, но не опустил глаза.

– Откуда ты её знаешь?

По лицу Вьюги пробежала тень удивления.

– Она не рассказывала тебе обо мне?

– Не рассказывала что?..

В памяти тут же всплыло всё, что шептали о Нежате служанки: Ивлад слышал обрывки их разговоров, когда проходил мимо, но девушки тут же замолкали и делали вид, что заняты делом.

«Царевна-то наша колдовать ходит».

«У царевичей сестрица – ведьмица».

«Ох, несдобровать, коли колдовство доберётся до царской семьи»...

Ивлда больно кольнуло: они с Нежатой с детства были ближе, чем со старшими братьями, проводили много времени вместе, играя во дворе, а став взрослее, могли подолгу разговаривать о ерунде и объедаться пастилой, скрывшись в царевниной светлице и отослав слуг. Ивлд, как и все, замечал за Нежатой, что её глаза загораются любопытством, стоит кому-то хоть заикнуться о колдовстве. В последний год у неё даже появились и тёмное зеркальце, и баночки с порошками, и шептала она порой что-то странное, непонятное. Ночами, бывало, даже сбегала на кладбище — Ивлд полагал, что на могилу матери. Выходит, скрывала что-то от младшего братца?

— Мы давно знакомы с Нежатой, — вздохнул Вьюга и устало потёр глаза. — Она... Мы... Лучше, конечно, если она сама тебе расскажет, Ивлд. В общем, Нежата попросила меня позаботиться о тебе в пути.

Ивлд вспыхнул:

— Вы с Нежатой — любовники?! Да Ружан и отец тебе голову снесут!

— Давай без этого, прошу. Я не говорил ничего такого, ты сам всё додумал.

— Я не нуждаюсь в покровительстве! — Ивлд вскочил и сжал кулаки. — Тем более — в покровительстве стрейвинца! Будь так добр, не отнимай более моего времени.

Пылая от возмущения и ужаса, он кинулся мимо Вьюги, едва не задев колдуна плечом, и выскочил во двор.

Солнце наконец-то лениво выползло из-за холмов, рассыпало серебро по округе. Иней сверкал на постройках, слепя глаза. Надев седло и подправив упряжь Нежатиного Звездочёта, Ивлд похлопал его по морде и вскочил на спину.

Выехав с постоянного двора, Ивлд ощутил, что, помимо гнева, его подгонял страх. Только что он оставался один на один с сильнейшим колдуном, предводителем всех вьюжных, — и ему повезло остаться в живых. Как Нежата могла раскрыть этому человеку то, что Ивлд, младший царевич, пустился в путь совсем один? Как могла от-

править его к брату? Насколько же безграничным должно быть её доверие...

В колдовстве погибель царской семьи — так шептались в любой деревне, в любом городе, в самом царском дворце. Увлечение юной царевны колдовством расплодилось слухами, их почти не воспринимали всерьёз, но теперь Ивлад понял: Нежата заигралась до того, что посмела поставить под удар и его жизнь, и жизнь всей семьи. Что станет с братьями и отцом? Что станет с Аларией, если царская семья будет отравлена колдовством? Ведь и болезнь отца, как поговаривали, была вызвана тёмными силами.

Ивлад гнал коня, даже позабыв плотнее запахнуть накидку. Злой ветер и мороз щипали за нос и уши, кусали пальцы, а Ивлад всё вжимал пятки в конские бока и втягивал обжигающий воздух сквозь сжатые зубы.

Скучны зимние дни и ночи: тёмные, морозные и томительные, тянутся-тянутся, как засахарившийся мёд, и один на другой так похож, что не различишь.

Но скучнее всего — молодым девоптицам.

Лита любила подолгу слушать новых служанок: они рассказывали про свои дома и деревни, иные даже успели побывать в городах и насмотреться такого, чего Лита и представить не могла.

Тут, в Серебряном лесу, всё было белым и сероватым, каждый день в точности повторял предыдущий: девоптицы беседовали, угощались золотыми яблоками, принимали уход от служанок — им расчёсывали длинные волосы, заплетали косы, вплетая в них жемчужные нити и крохотные звенящие бубенцы. Потом они снова общались, слушали песни старших, провожали ночных дозорных и готовились ко сну.

Служанки приходили ненадолго, лес выпивал их досуха за короткие месяцы, и вместо них приводили новых, с другими историями. Однажды служанка — её звали Айв-

ра, Лита даже запомнила её имя — рассказывала о южном море, где дивные чудища машут плавниками проплывающим кораблям, на которых в Аларию везут шелка и ароматные масла; рассказывала о рынках Глангрии, где драгоценные камни насыпают покупателям прямо в кошельки, где от запахов специй свербит в носу, а жара стоит такая, что посетители закрывают лица и головы влажными тканями. Лита не могла себе представить ни жару, ни ароматы специй, ни гул людских голосов — Серебряный лес был скуп на цвета, запахи и звуки. Она смотрела на свои бусы и мониста, на бежевые жемчужинки в рыжеватых волосах и щурилась, пока блеск камушков не начинал дробиться — так можно было хотя бы отдалённо представить, как блестят драгоценности на прилавках.

Иногда ей казалось, что лес держит их в оковах, сжимает когтями вместе с сёстрами-девоптицами и не даёт посмотреть на жизнь. Ни одна девоптица не осмеливалась надолго покинуть серебряные своды, потому что вдали от леса и его колдовских яблок теряла силы и любое путешествие могло обернуться смертью.

Вечерами старшие девоптицы рассаживались на высоких яблонях и затягивали песни. Сперва их голоса тихо перекатывались, журчали слабыми ручейками, но потом одна из сестёр запевала мелодию: иногда — красиво-переливчатую, иногда — резковато-тревожную, и остальные подхватывали.

Говорили, будто пение девоптиц способно лишать людей разума и сжигать города, но Лита в этом очень сомневалась. Пение как пение, не слишком-то громкое, чтобы было слышно даже на другом конце леса. И никаких чар в нём, должно быть, давно уже не осталось.

Сама Лита к пению никогда не присоединялась. Голосок у неё был слабый, «маленький», как говорила старейшая из девоптиц, Верина. Таким петь — только выставлять себя на посмешище. Поэтому она садилась где-нибудь пониже, прислонялась телом к яблоневому стволу и слушала, блаженно щурилась. Иногда к ней подсаживались под-

ружки-сестрицы, но Лите нравилось слушать песни в одиночестве — так ей казалось, что голоса и мелодии льются прямо в сердце тёплым мёдом.

Но скучнее всего было на самую маковку зимы, когда день короток, а ночь длинна и тосклива. Тогда старшие птицы выводят младенцев в огромных гнёздах, свитых из блестящих серых ветвей. Серебряный лес становится колыбелью, и старшие девоптицы только и заняты тем, что выхаживают неказистых детей со сморщенными розовыми лицами и телами, покрытыми прозрачным пушком, а младшие сёстры облетают границы, чтоб ни один человек не посмел нарушить их покой.

В ту долгую ночь Лита стерегла лес вместе с полудюжиной таких же дозорных. Скука терзала юную девоптицу сильнее мороза: Лита, перелетая от дерева к дереву и сбрасывая с серебристых веток снежные шапки, добралась до самого края леса, туда, где вилась через болота едва заметная тропа.

Когда наступало время, по этой тропе в Серебряный лес приходили новые служанки-помощницы. Лита любила смотреть на тропу и представлять, как она извивается дальше, вливается в широкую дорогу, а та ведёт к городам, полным людей, голосов и запахов...

Луна заливала тропу бледным светом. Сперва Лита уловила какое-то движение: может, зверь рыщет в поисках добычи? Но нет. Чей-то силуэт стремительно мчался к Серебряному лесу, увеличиваясь в размерах.

Лита замерла и стала присматриваться, осторожно перебираясь с ветки на ветку, чтобы оставаться незамеченной. Человек? Всадник! Что понадобилось человеку от Серебряного леса? Зачем пожаловал он в ту самую пору, когда никто не отваживался беспокоить девоптиц?

Поднимать тревогу не хотелось. Старшие птицы-матери не любят, когда будят их новорождённых дочерей. Если повезёт, незнакомец просто посмотрит на лес и поскачет дальше, но если он пришёл за яблоками, то придётся звать предводительницу сегодняшнего дозора, темнокрылую Грайю.

Всадник проскакал последние болотистые участки. Мороз сковал болота прочной ледяной коркой, но под весом коня лёд всё равно крошился, и под копытами рыхлилась чёрная илистая почва. Высоко задирая ноги, конь выбрался на твёрдую утоптанную землю и встал, отфыркиваясь. Человек стянул капюшон, и месяц залил светом его золотые кудри. Вскинув голову, юноша стал осматриваться.

Лита затаила дыхание и сжалась, спрятавшись среди веток. Она редко видела людей так близко, не считая служанок, и любопытство раздирало её изнутри, а вместе с любопытством вскипал и гнев: кто посмел приблизиться к лесу? Чего он так нагло глазее?

Но юноша оказался настолько красив, что Лита загляделась. И сами девоптицы, и все их служанки были женщинами — к человеческим мужчинам старшие девоптицы улетали лишь в середине лета, выждав день, когда новолуние превращало их из крылатых красавиц в подобие людей: вместо крыльев вырастали руки с тонкими пальцами, вместо когтистых лап — стройные ноги, а перья уступали место нежной человеческой коже. Лите пока не позволяли присоединяться — молода ещё была, но она видела, как летом, в самую короткую из ночей, мужчины из ближайшей деревни жгли костры с девоптицами, обращёнными на людской манер. Лита с другими юными сестрицами сидела у ручья в ивняке, слушала соловья и угощалась булочками-плетёнками, которые люди приносили с собой на праздник, — это была единственная человеческая пища, которую пробовали девоптицы.

Те мужчины не казались ей красивыми: многие из них ходили с жёсткими бородами, а сами были широкоплечие и грубые, будто глиняные фигурки, вылепленные неумелой рукой.

Но этот чужак от них отличался.

Лита подалась вперёд, чтобы лучше разглядеть его лицо, и ветка под её лапами хрустнула, осыпав юношу снегом. Незнакомец вскинул голову и уставился прямо на Литу, приоткрыв от удивления рот.

Лита захлопала крыльями, но тут юноша завёл руку за спину, вскинул лук, и, прежде чем Лита успела перелететь на другое дерево, её левое крыло пронзила боль. Девоптица вскрикнула, забилась, но раненое крыло перестало слушаться, и Лита, роня перья, упала наземь.

Незнакомец спрыгнул с коня и кинулся к Лите, на ходу доставая что-то из мешка. Миг — и вокруг рта Литы затянулась повязка, а тело накрыла прочная сеть, и чем больше девоптица билась, тем сильнее запутывалась, тем больше красных капель падало из крыла на снег. Выбившись из сил, она распласталась на земле, тяжело дыша и испепеляя незнакомца взглядом.

«Тебе это с рук не сойдёт», — хотела прошипеть Лита, но губы были плотно стянуты отрезом ткани.

Совсем скоро подруги заметят её пропажу — да что там, наверняка уже слышали её вскрик, и несдобровать тогда людям. Гнев девоптиц страшен, и издревле местные избегали ссор с ними, задабривали дарами и красивыми словами. Такую обиду человеку ещё долго не простят, и будут проклинать его род все соседи по селу или городу.

— Ты даже не пытайся ничего сказать, я твои слова слушать не стану, — дерзко ответил ей юноша, стянул сеть так сильно, что стрела ещё глубже вошла в крыло, и из глаз Литы брызнули слёзы. Юноша схватил Литу поперёк тела, как куль, и забросил на спину коню, а сам вскочил обратно в седло и пришпорил скакуна.

Встреча с Вьюгой не прошла для Ивлда даром: он зло и резво мчался с самого утра и лишь однажды остановился подкрепиться и отдохнуть. К вечеру понял, что подобрался к Серебряному лесу совсем близко. В груди радостно затрепетало: вот же, ровная дорога, без следов коней братьев. Может же быть, что он добрался первым?..

Ивлду даже не пришлось заходить в сам лес: чудище по глупости подобралось так близко к границе, что, когда

стрела вонзилась в крыло, рухнуло прямо на тропу. Всё дальнейшее произошло быстро и вовсе не так захватывающе, как Ивлад себе представлял. Он завязал девоптице рот, чтоб не вздумала петь и морочить его разум, а она и не пыталась, притихла как-то совсем уж нехорошо и долгое время даже не дёргалась. Ивлад то и дело присматривался, дышит ли, и успокаивался, заметив, что пернатая грудь всё же вздымается.

Ускакав наконец подалее от Серебряного леса, Ивлад остановил коня посреди замёрзших болот. Ночь подходила к концу, брезжил на востоке серый предвестник восхода, а Серебряный лес за спиной стоял безмолвно и недвижимо, посверкивал инеем. Ивлад то и дело оборачивался на него и прислушивался: не доносятся ли крики девоптиц? Не заметили ли чужака?

Спешившись, он стянул вниз чудовище в сетке. Красивая тонкая сеть испачкалась кровью, и Ивлад вдруг почувствовал к пойманной девоптице острую жалость.

Усталость и напряжение навалились разом, а вместе с ними — чувство вины. Аккуратно, дрожащими руками распутав сеть, Ивлад вызволил чудище. Девоптица упала на снег, разметав по земле раненое крыло. Стрела по-прежнему торчала, сверкая в лунном свете, перья вокруг раны слиплись и потускнели. Ивлад досадливо потёр лоб.

— Прости меня, — пробормотал он, сцепив озябшие ладони. — Сейчас. Потерпи немного.

Ивлад достал из мешка мазь и тряпицы, осторожно вытащил стрелу и перевязал крыло. Девоптица лежала смирно, но, взглянув в её лицо, Ивлад увидел блестящие дорожки слёз.

— Извини, — беспомощно повторил царевич. — Но повязку со рта не сниму. Не бойся, больше я ничего тебе не сделаю. Только привезу во дворец. И тут же верну обратно. Не держи на меня зла.

Он не стал разводить костёр, чтобы не привлечь внимания других девоптиц. Съел немного из запасов, которые успел набрать во дворце, выпил воды, насыпал Звездочёту овса и сел передохнуть хоть на пару минут.

В голове вертелись и вспыхивали сумасшедшие мысли. Видеть перед собой живую девоптицу было странно. С раннего детства Ивлад встречал их изображения на всём подряд: на пуговицах, на сундуках и тесках, на домовой резьбе и даже на платках, которые вышивала в детстве сестра. А тут – вот она, живая девоптица, такая же, как на картинках, только краше. Перья такие крупные и переливаются, куда больше и ярче, чем у тетерева или фазана. Когти на лапах крепкие, изогнутые, вспорют живот одним махом, если потребуется. До ключиц всё птичье, а выше – девичье лицо. Закрой тело, и покажется, будто девушка на снегу лежит, да не простая, а боярская дочка в лучших бусах и серьгах, лицом нежная, а глаза так и стреляют гневом, зелёные и блестящие, словно самоцветные камни.

В груди у Ивлادا затрепетало: смешивались и страх, и тревога, и любопытство. До того чудно было смотреть на девоптицу, что он не понимал, чего ему больше хочется: дольше любоваться или скорей отвернуться. Смутившись, царевич всё-таки опустил взгляд.

Он сунул в рот кусок хлеба, отряхнул руки и прислушался: не доносится ли топот коней братьев? Пока Ивлад скакал к Серебряному лесу, он не видел даже следов лошадиных копыт. Пусть шёл снегопад, но всё же остались бы видны колеи от конного отряда, так что он был почти уверен: ни Ружан, ни Домир не были здесь, а другого пути быть не может. Вдруг с ними что-то случилось? Нужно тогда отыскать их и помочь...

Выходит, он всё-таки первым поймал девоптицу? Эта мысль была такой ошеломляющей, что Ивлад сперва замер, привыкая к ней, а потом зачерпнул горсть снега и протёр лицо. И почему отец не хотел его пускать? Вот, пусть увидит: младший справился, а старший и средний сыновья куда-то запропастились. И не спешили, быть может, а заезжали в каждый трактир и останавливались в каждой усадьбе по дороге, как на охоте, пировали и выпивали.

Передохнув, Ивлад снова положил девоптицу на Звездочёта и сам вскочил в седло, но не успел конь набрать скорость, как на тропе перед ними вырос силуэт всадника. Сперва Ивлад почти обрадовался: подросел Ружан! Но всадник приблизился, и Ивлад узнал его: это был Рагдай, сын отцовского воеводы и верный Ружанов спутник.

— Рагдай? — воскликнул Ивлад. — Ты-то что тут делаешь? Тебя послал Ружан? Ты... один?

В голове заворочались подозрения. Что, если братья так и не смогли добраться? Неужели до леса доскакал один Рагдай?

— Его послал Ружан. — Знакомый голос прозвучал за спиной твёрдо и ясно.

Ивлад обернулся и едва не рассмеялся от облегчения, увидев брата живым и здоровым, но радость быстро сменилась страхом. Ружан сидел в седле, опустив голову, и медленно натягивал тетиву лука, метя Ивлладу в грудь.

Звездочёт заржал и встал на дыбы, едва не сбрасывая с себя девоптицу. Ивлад и сам с трудом удержался в седле.

— Отдай мне чудище, братец, — спокойным тоном проговорил Ружан. — Иначе мы сами возьмём.

Из-за спины Рагдая выступил Домир, а с ним ещё несколько воинов показались из-за деревьев: личная Ружанова дружина, с которой он не расставался ни на охоте, ни на прогулках, ни во время других забав. Все они были при оружии, на лихих конях, и Ивлладу стало по-настоящему не по себе.

— Что ты задумал, Ружан? Ты знал, что я не останусь дома и первым добуду птицу для отца?

Старший царевич спешил и приблизился к Ивлладу, кривовато улыбаясь и не убирая стрелу с тетивы. На поясе у него висел боевой меч. Ивлад тоже спрыгнул с коня, но руку продолжил держать на раненой девоптице. Звездочёт недоверчиво фыркнул, почуввав неладное, и начал пятиться.

— Не бойся, малыш. — Ружан медленно убрал стрелу и протянул руку, будто хотел похлопать Ивллада по плечу —

совсем как в детстве, когда они ссорились из-за игрушек или других мелочей, а няньки требовали скорее помириться, чтобы не расстраивать царя. — На что она тебе? — Он кивнул на связанное чудовище. — Никогда аларский престол не доставался таким, как ты. Если бы не блажь старика с этими птицами, стал бы ты спорить с тем, что я — законный наследник?

Ивлад сглотнул, не зная, верить улыбке брата или нет. Было в его словах что-то доверительное: и правда, никто бы не стал перечить, если б отец умер, не высказав последнего желания. Старший сын на то и старший, чтобы унаследовать царство... Но раз отец пожелал, чтоб наследник доставил ему девоптицу, значит, у него были на то причины и он допускал, что и Ружан, и Домир одинаково достойны. И будто дополняя скачущие мысли Ивлادا, Ружан мягко произнёс:

— Отец просил тебя остаться дома. Куда ты полез, братец?

Ивлад вспыхнул, словно провинившийся ребёнок.

— Я добыл девоптицу! Мне не нужно царство, забирайте его с Домиром! Я всего лишь хочу порадовать отца!

Рагдай рассмеялся, и его дружинники тоже. Они поглядывали на Ивлادا с нескрываемой насмешкой и о чём-то перешёптывались у Рагдая за спиной.

— Отец будет рад, не переживай. Не делай глупостей, Ивлад. Отдай её нам, и сам останешься цел.

— А если не отдам?

Ружан как бы невзначай положил руку на перевязь с мечом.

— Мы её заберём. Но сам ты, увы, к отцу не вернёшься.

От этой холодной угрозы сердце Ивлادا затянулось корочкой инея. Он выхватил нож, понимая, как нелепо смотрится: один против вооружённой дружины.

— Глупый, глупый малыш...

Ружан свистнул, засунув два пальца в рот, и дружинники соскочили с коней. Засверкала сталь обнажённых мечей, и дюжина воинов двинулась на испуганного Ивлادا.

Звездочёт заржал, когда к нему подошёл Домир и перерезал ремни, которыми Ивлад закрепил девоптицу. Металл царапнул по коже коня, и когда Домир хлопнул его по крупу, тот испуганно бросился прочь, несмотря на все окрики Ивлادا. Дружинники расступились в стороны, пропуская Звездочёта. Девоптица кулём упала на снег.

Ивлад задохнулся от злости.

— Что ты творишь, Ружан! Это конь Нежаты! Что ты скажешь ей, когда она спросит, где её скакун?

— Так с тебя же спросит, младший, с тебя.

Рагдай схватил девоптицу, которая лежала бездвижно, не издавая ни звука, и взвалил себе на плечо. Ивлад с тоской подумал, что она, быть может, уже успела погибнуть: расшибиться от удара или истечь кровью из раненого крыла...

В отчаянии Ивлад замахнулся ножом, но Ружан перехватил его руку и резко завёл за спину. Ивлад скорчился от боли и разжал пальцы. Нож выпал в снег, на него тут же наступила нога в тяжёлом сапоге. На помощь Ружану пришли дружинники: скрутили Ивлادا, ударили под колени, чтобы сбить с ног, и привязали сидя к стволу дерева. Ружан расстегнул на брате кафтан и нижнюю рубашку и снял с него капюшон. Ивлад сгорал от ярости и, когда лицо брата оказалось на одном уровне с ним, прошипел:

— Отец всё равно узнает...

— Не-ет, — почти ласково протянул Ружан, зачерпнул горсть снега и растёр по голой груди Ивлادا. — Не узнает. Ты умрёшь здесь, братец. Замёрзнешь насмерть. Если повезёт, тебя найдут и убьют девоптицы или сгрызут волки. Не придётся долго мучиться.

Ружан стянул с Ивлادا сапоги и сгрёб снег к голым ногам. Ивлادا трясло от злости и холода. Он беспомощно дёргался, чувствуя, как ноги и руки начинают затекать, а кожа на груди немеет. Дружинники ухмылялись и тёрли бороды, наблюдая за ними с Ружаном как за представлением.

— Я бы пожелал тебе лёгкой смерти, потому что люблю тебя, братец. Но ты разозлил меня, когда послушался отцовского наказа, поэтому... Просто умри, малыш Ивлад.

Ружан потрепал его по щеке, выпрямился и пошёл к своим людям, лишь раз обернувшись на Ивлادا.

Домир постоял немного у дерева, будто хотел что-то сказать младшему брату, но, когда Ружан окликнул его, встрепенулся и почти бегом вернулся к своим, так и не проронив ни слова.

Дружинники вернулись в сёдла и поскакали, вздымая пушистый снег. Ивлад бессильно заплакал, глядя, как негреющее солнце выползает из-за вершин Серебряного леса.

Глава 3

ЦАРЕВНА И ЗЕРКАЛО

Лита старалась не шевелиться, потому что даже случайное движение причиняло сильную боль в крыле. Её мысли были затуманены страхом: что, если эти странные люди её убьют? Что, если она больше никогда не сможет летать?

Красивого юношу связали и оставили в перелеске на замёрзшем болоте — Лита не могла разобраться, рада ли она возмездию или жалеет непрошеного гостя. Как они его называли? Ивлад?

Новые пленители пока не причиняли ей вреда, но почему-то внушали больше страха. Их была целая толпа: все на конях да при оружии, а от того юноши, который взял её на своего скакуна, веяло такой явной опасностью, что он сам напоминал наточенный клинок, острый и беспощадный.

— Ружан Радимович! — обратился к нему молодой темноволосый дружинник, поравнявшись. — Передохнуть бы моим воинам. Куда гнаться? Младший твой братец уж точно в погоню не пустится.

Ружан издал короткий смешок:

— Тут ты прав, Рагдай, не пустится. Но вдруг отец мой умереть вздумает? Мы и так тянули время, ожидая глупого братца.

— Все мы подтвердим, что девоптица — твоя добыча. Мой отец объявит всем войскам и боярской думе, а с ним никто спорить не осмелится.

Но старший царевич только пришпорил коня, взметнув снежные вихри, и дружине ничего не оставалось, как последовать за ним.

Он сбавил скорость, лишь когда впереди показались крыши постоянного двора.

— Не в чистом поле же отдыхать, — крикнул он Рагдаю.

— Сказал бы сразу, что хочешь, чтоб все на твою девоптицу поглядели и слухи пустили: мол, Ружан уже поймал и везёт отцу, — заметил юноша, похожий сразу и на Ружана, и на Ивлادا, — их средний брат, как поняла Лита.

Ружан самодовольно хохотнул:

— Ты проницателен, Домир. Ну а как же: истинный царь пускает впереди себя свою славу. Пусть летят по деревьям разговоры да сказываются сказки.

Остановившись у постоянного двора, Ружан закинул сеть с Литой за спину и зашагал намеренно неторопливо, поворачиваясь так, чтобы всем было видно его ношу. Высыпал на улицу народ: хозяин двора да трактирщик с семьями и несколько постояльцев в богатых одеждах. Лита мельком взглянула на них и тут же зажмурилась: так страшно было видеть удивлённые лица, восхищённые улыбки и пальцы, указывающие на Ружана. Да нет, не на Ружана, а на неё саму показывали люди.

Нарастал людской гомон. Смеялись, кричали и ахали громко. Доносилось отовсюду:

— Чудище поймал!

— Ай да царевич!

— Девоптица! Настоящая! Живая или мёртвая?

— А поближе дашь рассмотреть?

Остановившись у гостевого дома, Ружан снял с плеча сетку и уложил Литу на землю. Заскрипели шаги по снегу, и Лита ещё сильнее зажмурилась веки, сжалась в комок. Она представляла: вот-вот обступят её со всех сторон злые люди, станут разглядывать и потешаться, а иной, может, и палкой ткнёт...

— Ближе не подходите, — грозно предупредил голос Рагдая. — То царевича добыча, глазеть глазейте, но не за-

бывайтесь. Подарок для царя, не для вас. Радуйтесь, что такое зрелище выпало на вашу долю.

— Приготовьте комнаты мне и моей дружине, — велел Ружан. — И для птицы пришлите служанку, но только ту, кто умеет лечить раны.

Народ всполошился, хозяин постоянного двора прикрикнул на них, и шаги удалились. Литу вновь подхватили, а спустя несколько минут она уже очутилась в тёплом помещении.

Никогда прежде ей не доводилось бывать в людских жилищах, если не считать кособоких изб, где жили служанки, но туда Лита заходила считанные разы. Девоптицы не мёрзнут зимой, им нет нужды прятаться в холода, а в дождь их укрывает полог Серебряного леса — листочки яблонь ложатся друг друга, как черепица на крыше, оттого единственные дома девоптиц — широкие гнёзда, устроенные прямо у стволов самых могучих деревьев.

Литу вновь опустили на пол. Она почувствовала, как с неё снимают сеть, и открыла глаза. Вокруг царил полумрак, и деревянные стены непривычно обступали со всех сторон, словно огромное дупло. Необычный жар окутал Литу. В помещении было так тепло, как бывает только среди лета, и дышалось здесь труднее.

Ружан присел напротив Литы и склонил голову, разглядывая девоптицу. Она хмуро взглянула на него в ответ.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спросил он.

Лита медленно кивнула.

— Тогда давай договариваться по-хорошему, — продолжил Ружан. — Я сниму с твоего рта повязку и позволю слугам обработать раненое крыло. Я буду тебя кормить и заботиться до тех пор, пока мы не прибудем во дворец. Я буду добр. — Он протянул руку и дотронулся до щеки Литы. Девоптица вздрогнула и отстранилась от человеческого прикосновения, холодного с мороза, на что Ружан мягко рассмеялся. — Не бойся, говорю же, не обижу. Но и ты веди себя благоразумно. Не смей затевать никакого колдовства. Не пой своих чародейских песен и говори только тогда, когда к тебе обращаюсь я или Рагдай. Ты поняла?

Сердце Литы сжималось, когда её кожи касалось дыхание человека — страшного, опасного, в кольчуге под богатым меховым плащом и с оружием. Она думала только об одном: как бы позвать на помощь сестёр-девоптиц, как бы отомстить людям за унижение и боль, поэтому решила прикинуться покорной и снова кивнула. Ружан улыбнулся ещё шире и развязал узел на её затылке. Повязка спала со рта, и Литя облизнула пересохшие губы.

— Что ты ешь и пьёшь? Скажи, и я велю принести.

— Воду. Яблоки. Плоды, — выдавила Литя. Голос не слушался, стал ломким и слабым, какие уж тут песни. Да и не мог знать царевич, что пение ей не давалось.

Ружан выпрямился и снова свистнул, как тогда, на болоте. Дверь открылась, впуская Рагдая и троих его людей.

— Смотрите за ней в оба, — предупредил Ружан. — Пойду справлюсь о еде, питье и снадобьях.

Он ушёл, а Литу пересадили на кровать, непривычно мягкую и слишком тёплую. От движений по перьям девоптицы снова стала сочиться кровь.

Скоро к ней пришли две служанки, омыли рану и перевязали по-новому крыло. Литя позволила себе расслабиться: всё равно ей не удалось бы сбежать, когда вокруг терема стоит Ружанова дружина, а общество девушек немного успокоило. Пусть местные служанки и смотрели на неё испуганными глазами, Лите было всё равно — главное, чтобы поухаживали за раной и не сделали хуже.

«А всё же жаль, что я так и не научилась петь, — подумала она, когда боль в крыле начала ослабевать. — Сейчас бы зачаровать разум царевича и выторговать себе свободу — пускай везёт меня обратно к сёстрам, в наш лес».

Ей поднесли сладкого дымящегося отвара, который, к тихой радости Литы, знакомо пах мёдом и яблоками. Жадно выпив всё до капли, она устроилась на кровати, подмяв под себя когтями одеяло, чтобы выстроить что-то хотя бы отдалённо напоминающее гнездо.

— Идите, — отпустила она служанок, втягивая голову в плечи и погружаясь в мягкую дрему. — Я позову вас, если станет нужно.

И когда девушки ушли, подумала:

«Если бы не рана и не пережитый страх, могла бы я радоваться этому путешествию?»

Но уже на границе сна вспомнила, что вряд ли сможет долго продержаться вдали от силы Серебряного леса.

Второй день слуги носились по дворцу, взбудораженные пропажей младшего царевича. Воевода приказал не болтать лишнего и тем более не говорить ничего царю, чтобы не беспокоить того понапрасну: мальчишка объявится, куда он денется. Даже не послал ни единого отряда на поиски — мол, и так лучшие бойцы ускакали с Ружаном и Домиром, скоро и Ивлад нагонит братьев. Нежата не отговаривала Военега и не подавала виду, что знает, куда пропал Ивлад.

Царевна долго смотрела в окно, всё гадала, добрался ли младший брат до Серебряного леса? Встретил ли его Вьюга? Метель поднималась всё сильнее, кружилась вихрями прямо за стеклом, и Нежата решила, что вернее всего — спросить ответа у чар.

Она достала зеркальце, что подарил ей на кладбище колдун, взяла крошечный ножик, годный лишь чтобы вскрывать конверты да накалывать кожу на пальцах, накинула шаль на голову и отворила настежь окно.

Ветер всколыхнул ей волосы, ущипнул за лицо. Нежата плотнее запахнулась, поймала зеркалом тусклый луч и наколола ножиком палец. Капля крови выступила на коже, и царевна мазнула ею по зеркалу, прочерчивая красную дорожку.

— Покажи-ка мне кровь мою, зеркальце, — шепнула, и стёклышко запотело от дыхания.

Ещё через миг на зеркальной поверхности стали проступать смутные картинки, будто и правда отражалось в зеркальце что-то, что происходило далеко от дворца. Промелькнул тёмный силуэт: конь рослый, вороной, не похож на её Звездочёта, а всадник — широкоплечий, с чёр-

ными кудрями — не Ивлад, конечно, а Ружан. На коне перед братом — какой-то куль, но не мешок с припасами. Позади Ружана скакали и другие всадники, но как ни вглядывалась Нежата в их очертания, не могла разглядеть Ивлادا.

Кто-то застучал в дверь светлицы. Нежата со злостью закрыла окно и спрятала зеркало.

— Да?

— Гость к вам, госпожа, — послышался за дверью голос служанки.

Нежата нахмурилась. Не каждый набрался бы наглости стучаться прямо в светлицу царевны. Видать, и правда принесло высокого гостя. Она даже почти догадалась, кто это мог быть.

— Кто? — Нежата резко открыла дверь и скрестила руки на груди. Ну конечно, рядом со служанкой стоял старший царский воевода, Военег.

— Впустишь? — спросил он густым гудящим голосом. Служанка беспомощно выглядывала из-за его широкой спины, будто хотела извиниться перед Нежатой за вторжение.

Царевна окинула Военега недовольным взглядом:

— Ну впусти. Если ненадолго.

Воевода прошёл в светлицу, и в покоях разом будто стало темнее — так велик он был, ещё и в чёрной собольей шубе. Снежинки на его плечах таяли в тепле, сапоги оставляли влажные следы.

— Ну что, подумала? — спросил он, едва Нежата закрыла дверь за его спиной.

Нежате не понравилось, что Военег ведёт себя так нахально: вламывается к ней без приглашения и разговор ведёт будто не с царевной, а с крестьянской девкой. Что с того, что он давний отцовский друг? Это не значит, что он может не уважать её.

— Подумала, — процедила Нежата и гордо вскинула подбородок. — И откажу тебе.

Военег потемнел лицом, стал ещё страшнее, чем был. Шрам, тянущийся ото лба до щеки, казался глубже и резче, но Нежата не боялась Военега, напротив, подозревала, что это он должен её опасаться.

— Плохо думала, значит, царевна. Сама погляди: где теперь трое твоих братьев? И что, выздоравливает ли твой отец?

Нежата крепче сжала губы, слушая его грубые, но правдивые слова.

— Не пойду за тебя замуж, Военег. Хорошо подумала. Вернутся мои братья, и станет новым царём тот, кто привезёт девоптицу. Ты хмурый человек, ты видел много обмана и лжи, но в наших землях не случится лихих лет, как ты боишься.

Нежата наблюдала за лицом Военега. Она умышленно так сказала: вывернула, будто воевода боится за простых людей и не хочет войны за власть. Его же намерения были совсем иными: сам хотел занять царский трон, женившись на царевне, да поскорее, пока не успели вернуться царевичи. Нежата даже подозревала, что не просто так Военег с детства приставил своего сына Рагдая к Ружану — мальчики росли вместе, но вдруг Рагдай предаст царевича, если представится возможность?..

Военег даже не моргнул, его лицо будто окаменело, и Нежате хотелось наговорить ещё больше колкостей, чтобы хоть как-то расшевелить его, увидеть, что он живой человек, а не ледяной истукан.

— Пойду за другого, — продолжила царевна, и прошла так близко к Военегу, что задела его сапоги подолом своего платья. — Станет Ружан царём, Рагдая своим воеводой поставит, а ты найдёшь молодую жену вместо погибшей Малы и заживёшь с ней тихо в боярском тереме. Так старость и встретишь.

— За кого пойдёшь?

Нежата развернулась, и кончик её косы мазнул Военега по руке. Воевода вздрогнул и отшатнулся, словно его ударили. Нежата с трудом сдержала победную улыбку.

— Тебе не скажу. Ты меня обижаешь, в светлицу врываешься, давишь на меня, будто лучше тебя женихов во всём свете не сыскать. Вот сыщу, и увидишь, когда будешь на свадьбе моей гулять.

Военег потянулся к ней, будто хотел схватить за локоть, но Нежата ловко увернулась, да так, что и не пой-

мѣшь, умышленно отстранилась или так само получилось.

— Царицей будешь! — рыкнул Военег, теряя терпение. — Кто ещё тебе такое предложит? Скажи мне, кто?! Самоцветами тебя осыплю, Стрейвинские земли подарю, а тех, кто посмеет колдуньей назвать, на кол сажать буду!

— Так разве смеет кто-то называть?

Нежата села на сундук и склонила голову, рассматривая Военегу. Ах, страшен он всё-таки был, но и красив, как бывает страшна и красива ночная гроза. Ей нравилось его дразнить, но всё же душой царица не кривила: не пошла бы за него, только за другого, за того, кто зеркало ей подарил, а вместе с ним — и колдовскую силу.

— Смеют, царица. Ходят разные толки, я бывал в деревнях, слушал. Болтают, будто ты лягушкой оборачиваешься и бегаешь к чародею миловаться. Я все слухи вырежу. Не посмеют больше языками чесать.

— Меня забавляют слухи. Пускай люди говорят, нужно же развлекаться и кем-то детей пугать. Пусть царевной и пугают.

Военег мучился, смотрел на неё и будто не мог подобрать верных слов.

— Ружан злой человек, — наконец выдал он. — Как и мой Рагдай. Если станет Ружан царём, что они с тобой сделают? Не отправят ли в монастырь? А со мной под защитой будешь, что бы ни случилось.

— Ах, как ты заботишься обо мне, Военег! — мурлыкнула Нежата и наигранно робко взяла воеводу за грубую руку, покрытую шрамами. — Но есть у меня тот, кто позаботится даже лучше тебя. Да всё равно ты не подарок — не ты ли говорил, что готов убить моих братьев, чтобы самому царём стать? Что сказал бы на это мой бедный отец?

Нежата стиснула руки Военегу и потянулась к нему, будто хотела поцеловать, а воевода сам оттолкнул её, развернулся и прорычал:

— Ядовитая ты девка, царица Нежата. Как бы твой яд саму тебя не отравил.

Он вышел из светлицы, даже не обернувшись.

Глава 4

УГОВОР С ЧУДОВИЩЕМ

Ружан умел вязать узлы — сколько ни дёргался Ивлад, как ни напрягал мышцы, как ни пытался выскользнуть, а верёвки держали крепко.

Босые ноги онемели от холода, но в остальном Ивлад не чувствовал себя замерзающим. Сперва, когда Ружан натёр его голую грудь снегом, Ивлладу показалось, что он умрёт уже очень скоро — стало так страшно и тоскливо. Нередко в деревнях мужья привязывали зимой в лесу неверных жён — пускай забирает их ледяной колдун. Если ночью стоял трескучий мороз, как сейчас, то смерть приходила быстро. Ивлад не ждал лёгкой гибели, всё-таки одежда на нём оставалась, да и сам он не жаловался на здоровье, но шёл час за часом, выползало негреющее белое солнце из-за лесных вершин, а сердце Ивллада не замедлялось. Тогда-то он понял: сестрина накидка грела, да не просто, а по-колдовскому.

Перед глазами всё стояло лицо Ружана: серые глаза смотрят с холодным прищуром, на губах — торжествующая ухмылка, щёки разрумянились от стужи и быстрой езды. Ивлад всхлипнул и снова дёрнулся, сдирая до крови кожу на запястьях.

Впереди виднелись яблони Серебряного леса, и над их верхушками взлетали тени. Против солнца их трудно было разглядеть, но ясно было, что это не птицы и не звери, а дивные чудовища. Ивлад сощурился, сморгнул

слёзы, вглядываясь вдаль. Чудеса! Немудрено, что отец пожелал напоследок полюбоваться на такое.

— Эй! — слышно крикнул Ивлад. — Э-гей! Не сестрицу ли ищите? Это я в неё стрелу пустил!

Крикнул и сам испугался, как дерзко прозвучали его слова. Ивлад не знал, слышат ли его девоптицы, но иного способа выбраться не придумал. Была надежда на Звездочёта — вдруг вернётся, если волки не задрали и лихие люди воеводы Рагда не увели, но что-то не слышался топот копыт по заснеженным тропам.

— Я, я пустил! Прямо в крыло попал! — продолжил надрываться царевич до боли в горле, вкладывая в крик всю боль и злость. — Кровь вашу девоптичью пролил! Сижу здесь, прилетайте, разорвите когтями, коли клювов нет!

Прокричал и замолк, стал ждать, вскинув голову к небу. Сперва ничего не менялось, а потом силуэты, мелькающие над Серебряным лесом, поменяли направление. Ивлад продолжал шуриться на солнце, гадал, летят к нему или всё же не услышали? Но долго ждать не пришлось, скоро над болотистым перелеском зашуршали могучие крылья, сперва высоко, но с каждым кругом спускаясь ниже.

Ивлад не мог отвести от них взгляд. Тени то ложились ему на лицо, то сменялись солнечными бликами, и думал царевич: вот так же кружат вороны над полем после боя, так же смотрят на них те, кто не мёртв ещё, но вот-вот умрёт. Ивлад ещё не ходил ни в одну битву, не бывал ранен и не глядел смерти в лицо до этого дня, но сейчас понимал: что захотят девоптицы, то и сделают с ним. Зачаруют песнями, лишат разума, выцарапают глаза, а может, даже сердце... Не дотянуться до Нежатиного порошка, придётся слушать, если запоют.

Крупная девоптица с тёмным оперением опустилась прямо перед Ивладом, взметнув снежный вихрь. Ещё две сели чуть поодаль, и все они выглядели куда более грозными, чем та, которую ранил Ивлад.

— Что забыл ты у нас, человек? — спросила тёмная, что сидела ближе. На её шее сверкали ожерелья, совсем как

у боярских дочерей, а когти страшно блестели на свету: взмахнёт лапой — распорет тело от горла до живота.

— Свободу забыл, — ответил Ивлад, изо всех сил стараясь не показать, как измотан и напуган. — Порви мои путы, расскажу, где твоя сестра.

— Я бы говорила с тобой иначе. — Девоптица склонила голову и чиркнула лапой по снегу, оставляя глубокие борозды. — Скажи, где моя сестра, и мы сохраним тебе жизнь.

— Договоримся. — Ивлад попытался улыбнуться так, как улыбался бы чужеземным гостям, но ему было слишком страшно, чтобы улыбка вышла беззаботной. — У меня на поясе есть нож. Достань его и...

Он осёкся, когда понял, что рук-то у девоптиц нет, только могучие крылья и короткие оперённые лапы с когтями. Вот уж чудовища! И как только украшения свои надевают, как волосы длинные расчёсывают?

— Достану и всажу тебе в сердце. Говори, видел ли Литу?

— Литу... — выдохнул царевич. — Имя-то какое красивое! Если она с бурыми крыльями, маленькая и любопытная, то видел, как же. Увидел и ранил. Где-то там, у границ леса и болот, вы увидите кровь, посмотрите сами, если не верите.

Девоптицы зашипели, защёлкали, будто были у них не человеческие лица, а вороныи клювы. Две младшие полетели смотреть туда, куда указал подбородком Ивлад. Старшая переместилась ещё ближе и сдвинула чёрные брови.

— Куда Литу дел? Отвечай!

— Путы развяжи, — напомнил Ивлад.

Может, и не стоило злить чудовищ, но Ивлад рассудил так: если ему повезёт, то удастся выбраться и кинуться в погоню за Ружаном и Домиром, а если разъярит девоптиц, то они убьют его быстрее и милосерднее, чем могли бы убить холод и голод.

Девоптица подумала ещё немного, потом нехотя подошла к стволу, переваливаясь с боку на бок, словно огромный голубь. Ивлад не видел, что она делала, но верёвки

вдруг резко ослабли и упали, освободив его руки. Ивлад подтянул к груди запястья: бордовые, потрескавшиеся от холода, с ободранной кожей, задышал на них и спрятал под мышками, согревая.

— Ах, милостивая госпожа, благодарю! — искренне обрадовался он. — А сестру твою мой брат увёз, царевич Ружан, с ним царевич Домир и воеводский сын Рагдай. Лихие они люди, если со мной, своим братом и другом, такое сделали.

На последних словах голос дрогнул от боли и обиды, и Ивлад сжал губы. Глазам снова стало горячо.

Вскоре вернулись две младшие девоптицы, что-то курлыкнули старшей и расселись по бокам от неё, тоже стали слушать. Старшая хмурилась, а щёки её алели, будто у человеческой девушки, нагулявшей на морозе. Ивлад вдруг понял, что любит её, пусть и не без страха.

— На что вам Лита, человек? — строго спросила птица, наговорившись с сёстрами.

— Отец мой, аларский царь Радим Таворович, пожелал перед смертью в последний раз взглянуть на девоптицу, — признался Ивлад. — И обещал отдать престол тому из детей, кто первым привезёт диковину. Вот я и помчался в лес, но не за престолом, а за отцовской радостью. Чего не скажешь о моих братьях. Ружан-то горло перегрызёт кому угодно, вот вашу Литу у меня отобрал и во дворец примчит.

— Людям на потеху! — воскликнула старшая девоптица. — Как зверя!

— Позвольте мне послужить вам. В награду за освобождение, — продолжил Ивлад. — Догоню братьев, верну себе вашу сестрицу, покажу отцу быстренько, а потом — сразу обратно к вам, в Серебряный лес.

Как именно он собирался догонять братьев, Ивлад не уточнил. Предпочитал даже не думать о том, что будет после — улетят девоптицы, а он окажется один среди заснеженных болот и рощ. Хорошо, если сможет добраться до первой деревни. Только за это время Ружан уже много раз успеет подарить Литу отцу.

— Всё же ты хочешь по-своему использовать её, наглец! — защёлкала старшая, остальные тоже оцетинились. — Девоптица — не фазан и не ласточка, как ты не поймёшь? Возвращай скорей Литу, а не вернёшь — ляжет проклятие на весь твой род, если ещё не легло. Ты ранил её! Уже за это мы могли бы разорвать тебя на этом самом месте.

Ивлад наконец-то отыскал в снегу свои сапоги и теперь натягивал на замёрзшие ноги и думал. Видать, правду говорили, что не могут девоптицы далеко отлетать от своего родного Серебряного леса, потому и не спешат гнаться за Ружаном и своей похищенной сестрой. Что же тогда будет с Литой, если доставить её во дворец? Не умрёт ли раньше времени? Ещё и раненая...

Но всё же он решил идти до конца. Получить проклятие не хотелось — и без того опасно было приближаться к девоптицам, лучше уж им угождать, раз провинился.

— Верну, говорю же. Но коли так дело пошло, то Ружан уже на полпути ко дворцу. Не случится же с ней ничего худого?

— Уже случилось, — хмуро ответила девоптица. — Что же, царевич, знай: посмеешь обмануть, навредишь нашей сестре или не вернёшь её за три дня — сам зачахнешь и род ваш царский угаснет. Кто убивает девоптицу, тот навлекает на себя большую беду. Слышал ведь сам?

— Слышал, как же, что смерть девоптицы от рук людских влечёт череду кровавых казней, пожары и голод. — Ивлад повесил голову. — Не бойся, госпожа, я не злодей, всего лишь сын, который хочет осчастливить отца. Только без коня мне худо, не уйду далеко. Не подскажешь ли, что мне делать? Как вернуть скакуна? Или, может, знаешь, где мне помогут?

Девоптица сощурилась, придирчиво разглядывая одежду Ивлادا, в особенности накидку Нежаты.

— Вернётся твой конь, — проговорила она, будто наконец что-то поняла. — Ты накидку не снимай, по ней тебя отыщет вьюжный колдун. Поможет добраться быстрее и догнать твоих братьев.

Ивлад перестал растирать ноги и удивлённо посмотрел на девоптицу.

— Выюжный колдун?

— Старый друг девоптиц и один из немногих людей, кто вхож в Серебряный лес. Он проследит, чтоб ты не навредил Лите на обратном пути. До новой луны будь добр вернуть нашу сестру, чтоб бедой не обернулась блажь вашего царя.

— Постараюсь не сплеховать, — пообещал Ивлад и поднялся на ноги. — Благодарю, хозяйки, что освободили и жизнь сохранили. Я ваш должник, значит, сделаю всё, как договорились. Верну Литу целой и невредимой.

Он отклонялся так, будто перед ним были не чудища с человеческими головами и телами птиц, а знатные иноземные гости. Девоптицы тоже поклонились, но не так почтительно, взмахнули крыльями и по очереди взмыли в небо.

Ивлад проводил их взглядом, закутался плотнее в Нежатину накидку и пошёл прочь из перелеска по замёрзшей болотной земле. Его колотила крупная дрожь: неужели удалось выбраться? Неужели девоптицы отпустили его? Тряхнув головой, он хмыкнул себе под нос и зажмурился, на секунду спрятав лицо в сгибе локтя.

Крыло продолжало болеть. Хоть и смазывали его служанки пахучими мазями, хоть промывали и меняли повязки всякий раз, как Ружан решал остановиться на постоялом дворе или в тереме старосты, а всё же рана от стрелы беспокоила. Стоило забросить связанную Литу на коня, как боль усиливалась, и девоптица думала только о том, как дотерпеть до очередной остановки. С вершин яблонь Серебряного леса можно было разглядеть Азобор, но от чего-то Литу возили круглыми путями, заезжая во все окрестные деревни, и везде закатывали пиры. Девоптица только теперь начала понимать: царевич похвалялся ею, выставлял напоказ как драгоценную добычу.

Близилось новолуние, а Ружан будто бы и не спешил. Пировал и развлекался, да так, будто уже стал молодым царём. Просил для своих людей самых невероятных яств и крепких вин, звал скоморохов и певцов, местных заставлял драться друг с другом и платил серебром победившим, а однажды, когда бойца нечаянно убили, озолотил его семью.

Литу показывали как дивное диво — не всем, только старостам, сотникам и прочим царским людям, встречающимся на местах. Старухи шептали молитвы и припоминали поверья, по которым девоптица в городе сулит кровь, слёзы и гибель царя; девушки ахали и разглядывали Литу, краснея от удовольствия, а мужчины либо ворчали на бесшабашность Ружана, либо кидали на девоптицу восхищённые взгляды.

Потому-то Лита и боялась новолуния. Как только луна почернеет, сольётся с небом, исчезнут перья, обернутся крылья человеческими руками, и крепкое птичье тело станет девичьим, нежным и беззащитным. Никто не даст ей одежду, не спрячет, так и будут лихие воины Рагдая пляться, а если Ружан захмелеет, то кто знает, что он позволит своему воеводе?..

Плясали скоморохи в тереме старосты, плясал и сам староста, выпив б^ратину¹ медовухи. Ружан и Рагдай сидели вместе за столом и хлопали ладонями, отбивая такт музыке. К Лите приставили девчонку, дочку старосты, и та была счастлива ухаживать за дивной птицей-девицей.

— Отведи меня в покои, — попросила Лита шёпотом.

— Устали, птица-барышня?

Лита опустила веки:

— Устала.

Девушка помогла Лите спуститься со скамьи и увела в соседнюю комнату. Гости проводили их взглядами и шепотками: никак не могли привыкнуть к обществу девоптицы, и если сидящая она казалась почти чучелом, без-

---

¹ Б р а т и н а (-ы; ж.) — старинный большой шаровидный сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья в круговую.

делицей, созданной каким-то сумасшедшим мастером, то шагающая по палатам неизменно вызывала удивление.

— Позвать служанок, чтоб крыло вам перевязали? — спросила дочка старосты, помогая Лите забраться на кровать в покоях.

— Нет. Позови царевича Домира.

Девушка удивлённо округлила рот, но не стала расспрашивать, справилась со своим любопытством и смиренно кивнула.

Лита несколько вечеров наблюдала за Домиром. Если Ружан и Рагдай всегда неистово веселились, так, словно каждое пиршество могло стать для них последним, то Домир не принимал участия в кутежах: сидел смирно, вечно не то хмурый, не то усталый, и недовольно поглядывал на брата, но вслух никогда ему не перечил.

Домир явился через несколько минут, вошёл в покои и закрыл за собой дверь. Откинув со лба мягкие каштановые кудри, он вопросительно посмотрел на Литу и скрестил руки на груди.

— Я заметила, что ты всегда печален, — сразу начала Лита. — Отчего? Тебе не нравится, что Ружан ведёт себя так, будто уже стал царём? Ты ведь тоже царевич, и ты везёшь меня наравне с ним. А они с Рагдаем будто и не замечают тебя. Что за уговор у вас? Почему ты готов довольствоваться положением Ружанова пса? Он обещал тебе что-то? Или... угрожал?

Домир будто вздрогнул от этих слов и поднял голову выше, встречая взгляд Литы с прямым достоинством.

— Заговорить меня захотела, птица? Я рта не открыл, а тут — целый ворох вопросов. Простых людей заговаривай, а царские сыны не так глупы, чтобы пускать в сердца твои речи.

— Глупы, если не замечаете очевидного. Но я не сомневаюсь, что так всё и есть. Он пирует и слушает песни, а ты сидишь с поникшей головой и не пьёшь хмельного. О младшем брате горюешь? Страшно оттого, каким жестоким оказался Ружан? Или скучаешь по любимой?

Лита действовала наугад. Она никогда не оставалась один на один с мужчинами, никогда не пела для них чарующих песен, но что-то подсказывало, как вести разговор, какие струнки затронуть и с какой интонацией говорить для царевича. Должно быть, ей подсказывала сама кровь девоптиц — древняя, мудрая.

Царевич продолжал хмуриться, но всё же присел к Лите на кровать, будто забылся и не подумал, насколько это невежливо.

— Ружан меня тревожит, — признался он.

— Такой праздный, порывистый и жестокий, — подхватила Лита. — Почему ты не уедешь без него?

— Он мой брат.

— Ивлад тоже.

— А Ивладу отец велел дома сидеть, он сам виноват, что так случилось.

Лита усмехнулась — Домир выпалил это так яростно, будто хотел оправдать сам себя.

— Твои это слова или Ружановы? И как вышло, что вы выехали раньше, а потом нагнали его ровно тогда, как он меня подбил?

Царевич сглотнул, но не отвёл взгляд. Его щёки покраснели.

— То была затея Ружана. Он сразу догадался, что Ивлад не усидит во дворце. Кто знает его лучше нас? Рагдай подержал. Говорит, пускай младший братец выслеживает, мы потом по следам его поедem. Пировали вот так же на постоянных дворах, выждали денёк и нагонять стали. Подгадали точно в срок. Это Рагдая заслуга, он лучше всех на царской охоте зверя выслеживал и загонял, вот и тут подсчитал. Только на волка Ружану весело ходить, а на вашу сестру оказалось боязно.

— Но ты же не таков. Ты сидишь и грустишь, сам не знаешь, зачем тут. Верно я говорю?

Царевич Домир угрюмо молчал, но не уходил. Лестило ли ему внимание девоптицы или уже начало действовать тонкое волшебство её шёпота, Лита не знала. Быть мо-

жет, он просто хотел отдохнуть от шумного веселья, затеянного братом.

— Признаться, никогда и не знал, зачем я там.

— Всё из-за братьев?

Лита наблюдала за людьми всего пару дней, страдая от боли и страха. Ей трудно было понять всё, что происходило, — почти каждый миг она ждала угрозы, но всё же пыталась разобраться. Все девоптицы приходились друг другу сёстрами, матерями и дочерьми, но каждая относилась к остальным ровно, никого не выделяя и ни с кем не ссорясь. У людей же всё было иначе. Ружан и Домир сильно отличались друг от друга, и по-разному к ним обращались члены отряда. Лите не с чем было сравнивать, но отчего-то Домир напоминал ей прислужницу Айвру, которая заплетала девоптице косы и рассказывала о дальних морях.

— Нет. Не из-за них. Из-за себя, — ответил Домир.

— Я не понимаю, — призналась Лита. — Ты грустишь сам из-за себя?

Домир слегка улыбнулся, одним уголком губ, и покачал головой.

— Как тебе объяснить... У тебя есть сёстры?

— Мы все в Серебряном лесу сёстры, — обиженно протянула Лита. — Разве ты не знал?

— Знал, знал, конечно... Просто думал, вдруг кто-то из вас особенно близок.

Домир заправил волосы за уши взволнованным движением, и Лита вдруг позавидовала ему — у него тонкие красивые пальцы, и он может поправлять свои волосы тогда, когда захочет, а не когда дозовётся служанку.

— Мы все близки, — ответила Лита. — Не то что вы.

Домир хмыкнул:

— Это ты верно подметила. Не то что мы. Ружан отважен и силен, он — отцовский любимец и наследник, конечно. Тут и спорить нечего. Ивлад красив, как не всякая девушка, мягок сердцем — он нравится всем, кому посчастливится с ним встретиться. А я — средний сын. Ни то ни сё. Не особо умён, не слишком смел, красотой не то что-

бы удался. Даже волосы у меня не чёрные, как у Ружана, и не золотые, как у Ивллада, а скучно-коричневые.

— Ты обижен на братьев за то, что они лучше тебя?

— Да нет же. — Домир дёрнул плечами, и вышивка на его тёмно-синем кафтане встрепенулась блеском. Только сейчас, присмотревшись, Лита разглядела у него на плечах ветви и яблоки. — Не на братьев. Да и не на кого. Просто... Все знают, что я — второй царский сын, и ждут от меня, что я буду таким же, как братья: острым на язык, решительным, красивым, в конце концов. И разочаровываются, видя меня таким, какой я есть. Я слышу, что шепчут слуги у меня за спиной. Не во дворце, нет, а вот тут, в чужих домах. Говорят, что представляли меня выше, красивее, что думали, будто я тоже пушусь в пляс или начну сорить отцовским золотом.

— А ты просто сидишь в стороне и ждёшь, когда всё закончится.

Домир посмотрел на Литу долгим взглядом. Его брови приподнялись в удивлении, и Лита подумала, что зря Домир назвал себя некрасивым — он уж точно был лучше тех парней, с которыми сёстры беседовали на летнем празднике.

— Да. Сижу и жду. Потому что всю жизнь чувствую, что всё это не для меня. Будто с детства привык: всё Аларское царство — для Ружана, все девичьи восторги — для Ивллада. У меня есть невеста, отец сосватал меня несколько лет назад, но я видел её лишь однажды — она живёт в северных землях и, мне кажется, потом пожалеет, что согласилась на эту помолвку. Говорит, наверное, подругам, что выйдет за аларского царевича, и представляет, как будет жить во дворце, но на самом деле... На самом деле я сомневаюсь, что мне достанутся собственные земли, когда отец умрёт и Ружан займёт его место.

— А если ты первым привезёшь меня царю? Это что-то изменит? — Лита, поморщившись от боли, приблизилась к царевичу и осторожно прижалась к нему тёплым боком. Он не пошевелился, только выпрямил струной спину.

— Могло бы. — Домир быстро облизнул губы. Между его бровей то пролегла тоненькая складка, то разглаживалась — он быстро что-то обдумывал. — Но отец скоро умрёт, его съедает царская болезнь, колдовское проклятие. Даже если он успеет объявить меня наследником, то Ружану ничего не будет стоить переубедить думу и войско. Его лучший друг — сын царского воеводы, у него сильная дружина, его все любят. Нет, Лита, я не хочу того. Ружан — вот кто станет править Аларией, иначе и быть не может.

— Как же быстро ты сдаёшься, — пробормотала Лита и приобняла Домира здоровым крылом. Прикрыв глаза, она стала вспоминать песни старших сестёр в Серебряном лесу. Это было нелегко: даже через закрытую дверь в покои проникали звуки пиршества, музыка, громкие голоса и хохот. Домир не отстранялся, и Лита посчитала это хорошим знаком. Сосредоточившись, она представила себе золотистые яблоки, серебристые ветки и блеск украшений на шеях подруг. Почти наяву услышала их красивые голоса, переплетающиеся в одну протяжную песню.

В глубине груди поднималась мелодия. Лита не придумывала её, музыка сама зарождалась и изливалась звенящим ручьём: сперва беззвучно, затем проступая плавным напевом, постепенно наполняющимся крепостью голоса. Лита редко пела и впервые пела для пленившего её человека, царевича Домира, и пыталась вплести в песню просьбу, наговор-приказ.

Домир медленно склонил голову на плечо. Он не мог слышать слов, потому что в песне девоптицы слов не разобрать, особенно человеку, зато мелодия, а вместе с ней и чаяния девоптицы плавно проникали ему в самое сердце.